Общая газ.-1995.-7 дек.-с 16.

Своевременный гений

Михаил ПОЗДНЯЕВ

В Московском музее А.С. Пушкина на Арбате – выставка художника Коли ДМИТРИЕВА. Навсегда Коли, никогда – Николая Федоровича, хотя сегодня ему перевалило бы на седьмой десяток. Коля погиб, когда ему было пятнадцать...

Потом – годы посмертной славы, одна выставка за другой; потом – «странная слава»: имя у всех на слуху... но уже ни выставок, ни отдельных работ в музеях. В последнее десятилетие – забвение, подобное тому, которое мягкой тенью легло на имена многих мастеров советского (да и дореволюционного) искусства. Неагрессивное, необидное забвенье: **не ко времени**. К чему раздирать ризы, видя толпы, ломящиеся на персональные экспозиции авангардистов, – и пустые, пустующие по соседству юбилейные вернисажи Нестерова, Саврасова, Айвазовского? «Всему свое время, – сказано в книге Екклезиаст, – время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время молчать, и время говорить...»

Слишком много со дня смерти Коли утекло времени, чтобы известность его оставалась той же, такой же, что и в конце сороковых. Даже и пионерам следующего за ним – моего поколения, надо еще сильно поднапрячься, чтобы вспомнить: Коля Дмитриев, гениальный юный художник, нечаянно убитый приятелем на охоте, герой повести Льва Кассиля «Ранний восход». Коля, Лев Кассиль, пионерская организация имени Ленина... как это далеко и невозвратно... «Ранний восход» три десятилетия включался в школьную программу по чтению, однако – речь не о реальной судьбе Коли, но о литературном персонаже – при том, что книжка была, что называется, настольная, под партой все же читались «Три мушкетера» и «Записки о Шерлоке Холмсе». Как и Павлик Морозов и Володя Дубинин, герой «Раннего восхода» был фигурой из пантеона «пионеров – всем ребятам примеров», почти мифологическим образом, чей талант (подсказывалось контекстом и пафосом повести) мог расцвесть только в наших условиях, которому (останься он жив) нашлось бы почетное место и в Третьяковке, и в списке сталинских лауреатов...

Почему и отчего мы так долго не вспоминали о Коле, рисовавшем иллюстрации к книжкам из школьной программы и самолеты с красными звездами на крыльях над Москвой 45-го, – хоть и грустно, а понятно.

Нам – важнее задуматься, почему и зачем он опять вернулся, и в память нашу, и в Пушкинский музей, по соседству с домом, где жил. Что сегодня говорит нам о нас, а уже не только о себе, мальчик, хотя и писавший в школе сочинение «Патриотизм летчика Маресьева», но залетевший в свое время, кажется, очень издалека – оттуда, где Валентин Серов, Левитан и Врубель, недозапрещенные при Сталине и недозабытые нами...

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом» – все-таки спасибо, что в свое время была и книга Кассиля, блестящая от розового лака, и выставки, на которых по соображениям сугубо идеологическим не было многих рисунков и акварелей Коли из числа лучших. «Весь я не умру, но часть моя большая, от тлена убежав, по смерти станет жить...» – цитата из «Памятника» Державина вполне уместна: очень большая, важная часть того, что называлось «Коля Дмитриев», была и в первые годы его посмертной славы **не ко времени**. Отец Коли считал, что Бог прибрал эту чистую душу именно что **вовремя**, что она могла не выдержать гнета своего времени, сломалась бы под тяжестью писаных и неписаных догм советского искусства. Кажется, и сам Коля, того не сознавая, угадывал свою возможную грядущую судьбу.

Из дневника Коли Дмитриева:

6 апреля 1948 г. Я нисколько не огорчен на то, что мне совет поставил по специальным плохие отметки... Наученный горьким опытом, я уже из прошлого года знал, что все «3» и «2» и все неприятности валятся на всех (конечно, не на всех!) после недолгого почивания на лаврах. Хвалят, поощряют, ставят «5», а потом, когда усвоишь все наставления учителя, оказывается, что мальчик идет не по правильному пути. И все это совершается так внезапно, круто и неожиданно, что не успеваешь понять: что есть истина, кому верить? Взять, например, мою композицию. Я сдал ее недели за две до конца четверти и не получил ни одной фразы с критической стороны. Не указав вовремя мне на мои ошибки, «учителя» через месяц начинают обвинять в них же. Спрашивается: отчего же я пострадал? – От погон! Делал погоны на плечах красноармейцев неопределенно, не приходило в голову, что могут подумать, что погоны немецкие! И вот в этом-то меня и обвинили...

Все это очень хорошо: на будущее время я учту скудные спросы наших преподавателей...

На будущее время – его, этого будущего, отмерено Коле было четыре месяца. Именно они оказались важнейшими в судьбе художника. На лето его с младшей сестрой Катей отправили в деревню, откуда родом была Нюша, нянчившая их перед войной. Люди, рассматривавшие после его похорон полторы сотни работ, сделанных в Репинке, привезенных оттуда вместе с телом Коли, были ошеломлены: они, в основном художники (как мать с отцом, как и умерший за три месяца до Колюши его дядя – прославленный театральный декоратор В.В. Дмитриев, оформлявший спектакли в Большом и МХАТе), давно свыклись с тем чудом, которое названо у Кассиля «ранним восходом». Здесь – было чудо большее: стремительный взлет мастерства. Откуда, почему, каким ветром? В Репинке Коля был совсем один – один на один с жизнью. Не с уютной жизнью приарбатских переулков, прогретых солнцем, заполненных людьми, чаще всего знакомыми хотя бы в лицо, – но с жизнью русской «забытой деревни», той же, что при Бунине и Рахманинове, где душа или сплющивается – или разворачивается и растет в вышину, во весь простор омытого дождями поля, незаметно и неизъяснимо переходящего в небо. Это только в России у нас такое небо, растущее из грязи...

Случайно ли – да нет, конечно, не случайно – за день до гибели он напишет однокласснику: «Придаю огромное значение небу. Мне кажется, что основное в пейзаже – правильно решить, угадать небо. Внимательно прописать, добиться чистоты и прозрачности. И только в этом случае пейзаж заиграет. В последнее время я часто вспоминаю Федора Васильева...»

Одна чистая юная душа окликнула – через целый век – другую: гениальный русский пейзажист Федор Васильев сгорел от чахотки в двадцать два года. Коля Дмитриев – был убит выстрелом из ружья в упор на охоте. Он шел шаг в шаг за приятелем – тот был старше и сильнее. Спускаясь в овраг, тот, первый, оскользнулся на палой листве. Чтобы не упасть в овраг, на острые сучья бурелома, оперся на ружье. Заряженное... Лев Кассиль потом напишет, что Коля погиб, потому что пытался подхватить падающего. Это, скорее всего, писательский домысел. И все-таки этот жест, это стремленье – подхватить, помочь устоять, уберечь от падения – было для Коли самым естественным проявлением его природы. Он был открыт миру, готов ежечасно податься ему навстречу. Он этому учился у родителей – но это был и его врожденный дар.

Из воспоминаний матери Коли Наталии Николаевны:

Как он хорошо смотрел на людей! Немного искоса, вскидывая глаза. Казалось, он и не смотрит вовсе, а так, праздно сидит. Но это только казалось. Он замечал все, и обмануть его было нельзя... Даже иногда неловко бывало. При этом человек совсем не обязательно оказывался чем-нибудь замечательным, а просто для Колюши это был типаж любопытный... Как-то мы ехали в переполненном поезде. В соседнем купе – пьяная компания, целый день певшая песни. Я задремала, как вдруг проснулась от ругани. Один из пьяных заблудился и лез на Колину полку, намереваясь там расположиться. Вид у него был отвратительный. Я испугалась и бросилась к Коле... и остановилась пораженная. Вижу, Коля приподнялся на локте и глазами, полными любопытства, смотрит на звероподобную физиономию. На лице Коли не только не было заметно страха, но оно выражало, скорее, удовольствие от этого зрелища. Пьяного удалось вразумить, и он отправился на свое место. На следующий день этот тип перебрался на боковую полку нашего купе. Подкрепившись соответствующим образом, он начал развлекать нас диким ревом, который он извлекал из баяна. Наслаждаясь своей «музыкой», он пел, закидывая голову назад, надрывным голосом песню за песней, стараясь перекричать шум поезда... И опять Коля с восторженным любопытством смотрел на него, радостно поглядывая на меня: «Вот, мол, как повезло! Интересно-то как!» А по приезде домой он запечатлел документально точно и певца, упоенного своим пением, и всю сопровождавшую его компанию...

Из дневника Коли Дмитриева:

25 января 1948 г. Ездили с Игорем на Ваганьково делать наброски. Замерзли страшно, но все-таки нашли одного старика нищего – стали набрасывать, а он заметил нас, снял шапку, перекрестился – и тяги с кладбища. Мы сначала подумали, что дед суеверный, не хочет, чтобы его рисовали, а потом выяснилось, что он от милиционера скрылся. Их, бедных, везде преследуют, даже на кладбище. Жалко мне их...

Из записей о Коле его отца Федора Николаевича:

...Была у нас бабушка. Коля пробовал делать ее портрет. Работа не клеилась. Он раздражался, нервничал, порвал бумагу. Спокойно Наташа уговорила его начать снова и, стоя рядом с ним, следила за каждым его штрихом, делая поминутно указания. Он доверился ей – и получилось ничего... Колюша просиял. Он опять встал на рельсы... Я всегда считал и говорил, что если человек на скользком тротуаре в гололедицу поскользнется, то достаточно одним пальцем поддержать его под локоть – и он уже устоял, и все в порядке, и бежит он дальше! Главное – вовремя...

Вот и еще раз, размышляя о судьбе Коли, Колюши, приходится отвечать на вопросы о времени, с которым совпали пятнадцать лет его жизни. И о его личных счетах с этим временем.

Последняя книга – «Дэвид Копперфильд». Последнее письмо – о Федоре Васильеве. Одно из последних сильнейших впечатлений в Третьяковке – икона Владимирской Божией Матери. Последний, трагический, незавершенный автопортрет – чертами, взглядом, посадкой головы странно напоминает мне юношеские фотоснимки Владимира Набокова. Коля состоял с ним в родстве: бабушка Евдокия Константиновна, мама Колиного отца, и мать Набокова – из Рукавишниковых. Рассказы о набоковском имении Рождествено Коля слышал задолго до публикации «Других берегов». А еще по отцовской линии Коля– потомок Федора Михайловича Дмитриева, первого русского директора Раменской мануфактуры. Когда в 1992 году жители Раменского решили провести в городе торжества в честь его юбилея, выяснилось, что мальчик из повести Льва Кассиля имеет к Дмитриеву прямое отношение. Предок окликнул потомка (опять – перекличка родственных душ!), и в местном краеведческом музее, впервые за четверть века, прошла выставка Коли, теперь повторенная и в Москве, в Пушкинском музее на Арбате. Колина сестра Екатерина Федоровна, хранящая рисунки и акварели, дневники и письма, фотографии и воспоминания о Коле, преданная его памяти, считает это случайностью, стечением обстоятельств: выставка Коли – в наше время, после такого перерыва!.. Но вся судьба Коли, каждый прожитый им день свидетельствуют: и ранний его восход, и столь же ранний уход не были игрой случая. Все говорит о чем-то не вмещающемся в прочерк, мимолетный штрих между цифрами 1933 – 1948. Эта современность – не синоним «злобы дня», но обреченность быть и при жизни, и после ухода «у времени в плену».

«Головокружительность дарования этого удивительного мальчика несоизмерима с печальным фактом его смерти... Тут именно то горделивое, героическое, торжествующее и победоносное, что заключено бывает в такой степени совершенства, доводит до слез своей безупречностью и силой, и это слезы торжества и ликования, а не какие-нибудь другие!» – писал жене троюродного брата Коли О.И. Аверинцевой Борис Пастернак после посещения выставки в октябре 1949 года. И прибавлял: «Спасибо вам за это своевременное извещение (и в какую подходящую минуту, и как все это мне было нужно!)...»

Своевременное – ибо за несколько дней до открытия выставки была арестована муза Пастернака – Ольга Ивинская, и он отчаянно искал опоры в рушащемся вокруг него мире.

«Эти акварели, – по словам из того же письма, – как живые сходят со стен вам навстречу, берут вас за руки, заговаривают с вами и уводят, куда им вздумается!»... Как чудно и страшно: Коля протянул из невозвратной дали руку великому своему современнику, со-пленнику во времени, старше его вчетверо, с которым при жизни не был знаком, – и поддержал его. Точно такой жест – и запись в дневнике Коли в последнюю весну, о последнем представлении «Золушки» в Большом театре, снятой с репертуара «за музыку» («между прочим, музыка не такая уж плохая... оформление блестящее... и все замечательно выполнено! Публика в диком восторге»), – рука, протянутая Сергею Прокофьеву.

Тень этого жеста – отзывы о посмертной выставке Коли, открытой в один из самых зловещих для нашей культуры моментов, в годы травли «безродных космополитов» – цвета художественной интеллигенции России. Не безвременно погибший мальчик нуждался в ту минуту в поддержке знаменитых поэтов, художников, музыкантов, плакавших над книгой отзывов, – это они искали в нем, в его таланте опоры и защиты от оскаленного времени, оправдания собственной судьбы...

Из книги отзывов (1949–50 гг.):

Совершенно необходимо все его вещи, все его творчество сосредоточить в каком-нибудь государственном художественном музее для обозрения и изучения посетителей, а самое главное – сохранить для нашей молодежи и будущих поколений обаятельный образ гениального мальчика – сына русского великого народа.

Народный художник РСФСР
А. Остроумова-Лебедева

Невыразимо больно сознание того, что Коля больше не будет писать. Невыразимо радостно зреть и наслаждаться тем, что успел сделать этот мальчик богатырь. Он поборол смерть!

Народный артист
Сурен Кочарян

На акварели Коли Дмитриева нельзя наглядеться! Их хочется видеть еще и еще, хочется рассказать о них другим – друзьям, знакомым, – узнать их впечатления, вместе радоваться на эти жизнерадостные произведения замечательного мальчика и знать к ним дорогу. Выставка должна стать постоянной!

Ираклий Андроников

Милый Коля, я не знала тебя, но искусство твое так тонко, так ярко, так полно ощущения жизни, что ты всегда будешь жить, ибо искусство твое и есть сама жизнь. Ты будешь жить, мальчик!

Вера Мухина

«Будешь жить...» «Поборол смерть...»

Имя Николай ведь и содержит в основе своей греческое слово «Ника» – «Победа».

Победа Коли – не только в том, что его искусство оказалось долговечно. Это победа и над своим временем, безвременьем, будет вернее сказать. Коля не попал на войну и не погиб на ней – эта участь выпала Никите Фаворскому. Коля не дожил до шестидесятых и не смежил крылья, как бабочка-однодневка, при первых заморозках – эта судьба досталась Наде Рушевой. Коле так просто было заслониться, отгородиться от своего времени – роднёй, книгами, картинами обожаемых им Левицкого и Боровиковского, посещениями Большого и МХАТа, встречами с людьми ушедшего времени: с П.П. Кончаловским, с двоюродным «дедом Вокой» – В.С. Мамонтовым (которого писали Репин, Серов и Врубель, и все левый профиль, а Колюша нарисовал правый, что значительно труднее). Затертый во времени, мальчик шагнул из него легко и свободно – как шагал он за порог дома в Плотниковом переулке, как он шагал, почти бежал по Арбату.

Самое удивительное из написанного о Коле – воспоминания его бабушки. Ею оставлены обширные мемуары о своем долгом веке – и среди множества фигур, запечатленных отчетливо и живо, фигура Колюши, как сказали бы в старину, недоросля (уже не мальчика, но и не юноши еще), возвышается на целую голову над всем и вся.

Из воспоминаний о Коле его бабушки Евдокии Константиновны:

...Колюша безгранично понравился дяде Воке, когда они увиделись в первый раз у меня; через какой-то час времени, как расстался с Колей, Вока позвонил мне по телефону, что в восторге от Колюши – и талант очень большой, и сам-то он как хорош, очень хорош!

С каким я счастьем передала об этом Колюшиным родителям!..

Вспоминается, что папа говорил Колюше много раз попросить, как будет у меня Вока, чтобы он поставил свою подпись на Колином портрете, так как он старенький, под 80 лет, все может случиться, у Колюши останется на память подпись дяди Воки. А вот что вышло: тот – «под 80 лет» – жив, здоров, счастлив, что вновь в своем любимом Абрамцеве, а Колюша такой молоденький, в начале своей блестящей художественной дороги – и его нет! Как жестоко!..

Ему было еще 13 лет, когда он часто забегал ко мне к телефону: то уроки узнать, когда накануне не был в школе, то поболтать с товарищами, а то и в Третьяковскую Галерею позвонить – узнать, когда она открыта в какой-нибудь особенный день или праздник. В таком случае просил меня позвонить, так как по своей милой и особой конфузливости и скромности стеснялся беспокоить таким вопросом и неловко себя чувствовал: он, постоянный посетитель Галереи, вдруг не знает, когда она сегодня открыта!..

Когда потом мы решили продать некоторые семейные портреты, Колюша мне помогал их носить в Закупочный Отдел, находящийся в здании Третьяковской Галереи. Его там уже полюбили, как будущего большого художника, и позволяли нам пройти внутренним ходом в Галерею, не теряя время далеко обходить по улице.

Но не об одной только Третьяковской Галерее говорил Колюша по телефону с товарищами: иногда сговаривались они идти на каток.

*А уж один телефонный разговор с его школьным товарищем – до того был оригинален, что хочется об нем сказать. Колюша спрашивает: «Можешь ты нарисовать ворону?» Не слышу, конечно, и не представляю себе, что тот отвечает в телефон, а он, мой дорогой, продолжает: «Нет, ты мне правду скажи – можешь ты дать рисунок вороны? СВОЕЙ вороны? – А я никак не могу! Изобразить свою собственную ворону – совсем не могу. Обязательно она у меня получается Серовская ворона! Хочу нарисовать ворону, вот, думаю, сейчас она получится – вот она «моя ворона». А ведь нет! Опять получается Серовская ворона! Так я ее запомнил и так я люблю Серова, так его понимаю, чувствую...» Недаром дядя Володя (художник-сценограф В.В. Дмитриев, о котором говорилось выше. – **М.П.**) называл нашего дорогого мальчика «Серов». «Как поживает Серов? Что пишет? Когда же ко мне придет Серов?»...*

Интересно, как мы с его отцом пошли показать его работы Иг.Эм. Грабарю. Тот, верно, думал так: говорят, мальчик способный, рисунки будут не плохи; но когда, не торопясь, взял папку, открыл ее сам, стал рисунки смотреть, один, другой откладывать ... входил сам в какое-то восхищение... и вдруг не выдержал – схватил меня за руку и, потрясая ее несколько раз, повторил: «Поздравляю Вас, поздравляю, какой талант!». И тоже моему дорогому сыну пожимал руку и повторял: «Поздравляю, не ожидал ничего подобного!» Всю папку, полную рисунков, пересмотрел, сам вынимал, брал в руки, разглядывал, хвалил... Тут подошли другие, бывшие в его кабинете люди, услыхав его похвалы, все, как один, были поражены, как великолепно рисует мальчик. Как мы были счастливы тогда!..

Самого Колюшу им уже не пришлось видеть, как он подрос, какой стал прелестный мальчик, высокий, стройный, с естественно хорошими манерами, симпатичное какое было у него личико, с ласковой улыбкой, прямо очаровательное – многие так про него и говорили.

Одна знакомая рассказывала, что видела как-то его покупающего на улице цветы; как он вежливо и вместе с тем весело разговаривал с продавщицей, спросил, сколько надо заплатить, каким ловким красивым жестом взял из кармана деньги и, уходя, поклонился ей, и пошел легкой походкой дальше с пучком душистого горошка, который еще и понюхал. На нее эта маленькая сценка произвела очень приятное впечатление, так как, кроме всей обыденности, в ней было еще что-то изящное и милое, что получалось у Коли во всем, из-за того, что его необыденность всегда имела оттенок чего-то изящного, приятного...

Необыденный человек Коля Дмитриев.

Мы, все более затираемые своим леденящим душу временем, пуще всего тоскуем не по праздникам даже – ярким вспышкам, озаряющим текущее время, но по ровному, не мигающему и не слепящему свету будней, таких однообразно-серых, что порой кажется: вовсе не небо у нас над головой, а все та же затоптанная, расхлябанная земля... Как часто нам кажется: вся наша жизнь складывается из минут вроде той, о которой (когда действительно было невмочь!) говорил Пастернак:

А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...

Скользим, переваливаемся с боку на бок, шлепаемся оземь с размаху.

Как это сегодня своевременно – понять то, что твердо знал и внушал сыну Федор Николаевич Дмитриев: достаточно одним пальцем поддержать человека под локоть – и он уже устоял, и бежит он дальше! Главное – чтобы это было сделано вовремя!..

Как важно понять: что за чудо, какая нечаянная радость – выставка мальчика Коли (никогда – Николая Федоровича) на Арбате! До чего же вовремя – эта протянутая к нам рука!..